

Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф **Первая лекция**

Об абсолютном понятии Науки¹

Пожалуй, здесь будет уместно указать на те *особенные* причины, которые побудили меня к прочтению настоящих лекций. С другой стороны, представляется совершенно излишним слишком долго задерживаться на общих доказательствах необходимости лекций о методе университетского образования, что они не только нужны и полезны для обучающегося студента, но важны и плодотворны для оживления и лучшего направления самой науки.

Юноша, впервые вступающий на академическое поприще, может оказаться под впечатлением хаоса, в котором он еще ничего не различает, словно в огромном океане без компаса и путеводной звезды. И это впечатление охватит его тем сильнее, чем более у него чувства и стремления к Целому. Те немногие, для которых ясный свет уже с самого начала указывает верный путь, ведущий к цели, представляют собой исключение, которое здесь можно не принимать во внимание. Обыкновенное же следствие этого состояния у наиболее организованных умов таково, что они начинают беспорядочно отдаваться всевозможному обучению, блуждая по всем направлениям и не проникая до зерна какого-либо из них (которое, однако, и есть основа всестороннего и высшего образования), и в конце академического пути, после бесплодных попыток, доходят в лучшем случае лишь до понимания того, как много было напрасно сделано и как много существенного было упущено. Те же, кто сотворен из менее благородного материала, уже с самого начала отрекаются от идеи Целого, предаваясь научной пошлости, и в лучшем случае пытаются посредством обычного прилежания и механической памяти усвоить в сфере своей особенной специальности ровно столько, сколько им представляется необходимым для своего внешнего существования в будущем.

Смущение, которое охватывает лучших перед лицом выбора как предметов, так и рода своего образования, приводит нередко к тому, что они доверяются недостойным, которые заполняют их головы своими низменными представлениями о науках или пренебрежением к ним.

Таким образом, необходимо, чтобы в университетах более открыто и общедоступно обучали цели, роду, целому и особенным предметам университетского образования.

Следует принять во внимание еще и другое. И в науке, и в искусстве особенное лишь постольку имеет ценность, поскольку оно содержит в себе всеобщее и абсолютное. Но, как показывает большинство примеров, слишком часто бывает так, что за определенным занятием забывается универсальное образование, а за стремлением стать хорошим правоведом или врачом — более высокое назначение ученого вообще, цель облагороженного

¹ Печ. по: Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф. Лекции о методе университетского образования / Пер. с нем., вступ. ст., примеч. Ивана Фокина. — СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. — С. 3–13. Лекция публикуется с любезного разрешения издательства и переводчика И. Л. Фокина.

наукой духа. Можно было бы возразить, что против подобной односторонности образования достаточным средством является изучение более всеобщих наук. Я не намерен, в общем, этого отрицать и скорее сам это утверждаю. Геометрия и математика очищают дух для чисто разумного познания, которое не нуждается в материале. Философия, охватывающая всего человека и затрагивающая все стороны его естества, еще более приспособлена к тому, чтобы освободить дух от ограниченности одностороннего образования и возвысить его в царство всеобщего и абсолютного. Однако между всеобщей наукой и особенной ветвью знания, которой посвящает себя единичный индивид, либо не существует вообще никакого отношения, либо наука в своей всеобщности не может опуститься настолько, чтобы показать эти отношения; так что тот, кто сам не в состоянии их познать, оказывается в особенных науках оставленным абсолютной наукой и намеренно предпочитает лучше изолироваться от живого целого, чем бесполезно расточать свои силы в напрасном стремлении к единству с ним.

Таким образом, обучению отдельной дисциплине должно предшествовать познание органического Целого всех наук. Тот, кто посвящает себя какой-то определенной науке, должен узнать сперва место, которое она занимает в этом Целом, и тот особенный дух, который ее одушевляет, равно как и способ изучения, благодаря которому она присоединяется к гармоничному строению Целого, — следовательно, узнать также и то, каким образом он сам должен приступать к этой науке, чтобы мыслить ее не рабски, но свободно и в духе Целого.

Вы уже понимаете из только что сказанного, что методика университетского образования состоит лишь в действительном и истинном познании живой связи всех наук, что без этой связи всякое наставление оказывается мертвым, бездуховным, односторонним и ограниченным. Однако это требование Целого, может быть, никогда еще не было более настоятельным, чем в настоящее время, когда, кажется, все в науке и искусстве властно пробивается к единству, и даже, по-видимому, самое отдаленное затронуто им в своей области, когда каждое потрясение в центре или поблизости от него быстрее и как бы непосредственнее ведет к частям, а новый орган созерцания образуется более всеобщим образом и почти для всех предметов. Такое время не может пройти бесследно, не породив новый мир, который неминуемо погребет в ничтожестве тех, кто не будет принимать в нем деятельного участия. В первую очередь только свежим и неиспорченным силам юного мира можно доверить сохранение и образование этого благородного дела. Никто заранее не исключен из участия, ибо в любой части — за какую он бы ни взялся — имеется момент всеобщего возрождающего процесса. Чтобы достичь на этом пути успеха, нужно проникнуться духом Целого и постичь свою науку как органический его член, познавая ее назначение в этом образующемся новом мире. К этому он должен устремиться самостоятельно или с помощью других, пока он сам еще не закоснел в устаревших формах и пока под воздействием чужой или своей собственной бездуховности в нем не погасла высшая искра, — стало быть, в ранней молодости и, согласно нашим учреждениям, — в начале университетского образования.

От кого же получить это познание и кому следует в этом довериться? В основном — самому себе и своему лучшему гению, который непременно приведет к цели*; ну и потом — тем, кто, искренно желая достичь научного Целого, уже до этого обладал хорошим знакомством с той или иной особенной наукой, и у кого, следовательно, ясно

просматривается определенная связь, предшествующая приобретению этих высших и всеобщих воззрений о Целом всех наук. Но кто не имеет всеобщей идеи науки и не стремится к ней, тот, без сомнения, наименее всего способен пробудить ее у других; кто посвящает свое (весьма, впрочем, похвальное) прилежание подчиненной и ограниченной науке, тот не годится для того, чтобы возвыситься до созерцания органического Целого науки.

Такого созерцания вообще можно ждать лишь от науки всех наук, от философии. В особенности, стало быть, от того философа, особенная наука которого должна быть направлена вместе с тем на абсолютно всеобщую Науку, и, таким образом, внутреннее стремление его познания уже должно быть направлено на тотальность познания.

Эти соображения, уважаемые господа, и побудили меня начать эти лекции, цель которых вы без труда уясните из сказанного. Насколько я в состоянии удовлетворить своему собственному замыслу и идее такого сообщения, я предоставляю пока тому доверию, которое вы всегда мне оказывали и достойным которого я постараюсь быть и на этот раз.

Позвольте мне сократить все то, что могло бы оказаться лишь введением и приготовлением, и прямо перейти к тому, от чего будет зависеть все наше дальнейшее исследование и без чего мы не сможем сделать ни шага для разрешения нашей задачи. Это есть идея в самом себе безусловного знания — абсолютно Единое, в котором всякое знание также есть только единое, идея того Празнания (*Urwissen*), которое, расщепляясь на различных ступенях являющегося идеального мира, простирается на все бесконечное древо познания. В качестве знания всякого знания оно должно быть тем, что совершеннее всего выполняет требование, или предпосылку, которая содержится во всяком его роде, — и не только для особенного случая, но и для абсолютно всеобщего. Если можно выразить эту предпосылку как согласие с предметом, как чистое разрешение особенного во всеобщее или как-нибудь еще, то подобное согласие немыслимо ни вообще, ни в каком-либо отдельном случае без более высокой предпосылки, состоящей в том, что истинно *Идеальное* исключительно и без дальнейшего опосредования есть также истинно *Реальное* и что вне одного нет другого. Мы, собственно, не можем доказать само это существенное единство в философии, так как оно, скорее, есть вход во всякую научность; можно доказать лишь то, что без него вообще нет никакой науки, а также показать, что во всем, что претендует быть наукой, это тождество, или полное восхождение реального к идеальному [и, наоборот, возможность полного вхождения идеального в реальное]², собственно, и является целью.

Бессознательно эта предпосылка лежит в основе всего того, чем славятся различные науки о всеобщих законах вещей (или природы вообще), равно как и в основании их стремления к познанию этих законов. Ибо эти науки также хотят, чтобы конкретное и непроницаемое, находящиеся в особенных явлениях, разрешились для них в чистую очевидность и прозрачность всеобщего разумного познания. Можно допустить, что эта предпосылка действительна в более ограниченных сферах знания и для единичных случаев, если не понять ее — и именно поэтому не признать — всеобщей и абсолютной, как она высказана в философии.

² Здесь в дальнейшем в квадратных скобках восстановлен текст редакции 1803 г., опущенный Шеллингом для последующего издания лекций в 1809 г.

Геометр основывает свою науку более или менее сознательно на абсолютной реальности безусловно Идеального: когда он, например, доказывает, что в каждом возможном треугольнике все три угла вместе равны двум прямым углам, то он не доказывает свое знание посредством сравнения с конкретными или действительными треугольниками и имеет в виду не их непосредственно, но их прообраз — он знает это непосредственно из самого знания, которое абсолютно идеально и на этом основании также абсолютно реально. Но если бы вопрос о возможности знания попытались свести к вопросу о возможности одного лишь конечного знания, то сам вид эмпирической истины, которую имеет это последнее, никогда не был бы в каком-нибудь отношении чем-то таким, что называют предметом — *ибо как можно было бы добраться до этого предмета иначе, если не исключительно посредством самого знания?* — следовательно, оказался бы вообще непонятно чем, если бы то в себе Идеальное, которое во временном знании вообразимо является лишь в конечности, не было бы реальностью и субстанцией самих вещей.

Но именно эта первая предпосылка всех наук — существенное единство безусловно Идеального и безусловно Реального — возможна лишь вследствие того, что *то самое*, что есть одно, есть также и другое. Но это и есть идея Абсолютного, состоящая в том, что *Идея* в отношении к себе является также и *Бытием*. Таким образом, *Абсолютное* и есть та высшая предпосылка и самое первое знание.

Благодаря этому первому знанию всякое другое знание есть в Абсолютном и само абсолютно. Ибо, хотя Празнание (Urwissen) в своей совершенной абсолютности изначально пребывает лишь в нем, как в абсолютно-Идеальном, оно все же вообразимо для нас как сущность всех вещей и вечное понятие нас самих, и наше знание в своей тотальности предназначено быть отображением (Abbild) вечного знания. Понятно, что я говорю не об отдельных науках, поскольку они обособились от этой тотальности и отделились от своего истинного прообраза. Конечно, только знание в своей всеобщности может быть совершенным рефлексом подобного образцового знания, но всякое особенное знание и всякая особенная наука охвачены (begriffen) в этом Целом как органическая часть; и потому всякое знание, которое непосредственно или опосредованно (пусть даже через множество средних членов) не относится к Празнанию, не имеет реальности и значения.

От способности увидеть всякое (в том числе и особенное) знание в его связи с Изначальным и Единым зависит, осуществляется ли работа в особенной науке духовно и с тем высшим вдохновением, которое называют научным гением. Всякая мысль, которая не продумана в духе Единства и Всеобщности (Ein- und Allheit), сама по себе пуста и негодна; то, что не в состоянии гармонично вступать в это движущееся и живущее Целое, есть мертвый осадок, который раньше или позже будет вытолкнут органическими законами; конечно, и в царстве Науки достаточно бесполох пчел, которые, поскольку им отказано производить, размножаются посредством неорганических отложений своей собственной бездуховности. Высказав эту идею о назначении всякого знания, мне нечего больше добавить к вопросу о ценности науки самой по себе: всякая норма образования или усвоения науки в себе самой, которую я могу выдвинуть в дальнейшем, вытекает исключительно из этого основания Единой Идеи.

Историки философии рассказывают о Пифагоре, что он первый изменил ходячее в его время имя науки σοφία на φιλοσοφία (любовь к мудрости), поскольку кроме Бога никто не является мудрым. Хотя это сообщение исторически истинно, все же в самом этом

переименовании уже признана та предпосылка, что всякое знание есть стремление к общности с божественным Существом, есть участие в Его Празднике, образ которого есть видимый универсум, а месторождение — Мудрость Его вечной Воли. Согласно этому же самому воззрению, поскольку всякое знание есть лишь Единое и всякий его род выступает лишь как член в организме Целого, все науки и виды знания суть части единой философии, т. е. стремления принять участие в Празднике.

И все, что происходит непосредственно из Абсолютного как из своего корня, само абсолютно, стало быть, не имеет цели вне себя, но само является целью. Однако знание в своей всеобщности — это одно непосредственно абсолютное явление единого Универсума, а его бытие или природа — другое. В области реального господствует конечность, в области идеального — бесконечность; первое является тем, что оно есть, посредством необходимости, второе должно быть самим собой благодаря свободе. Человек, вообще разумное существо, призван к тому, чтобы быть завершением мирового явления (Welterscheinung): из него, из его деятельности должно развиваться то, чего недостает для тотальности откровения Бога, ибо хотя природа и зачинает (empfängt) всю божественную Сущность, однако лишь в Реальном; образ той же самой божественной Природы, как она есть в себе самой, разумное существо должно выразить в Идеальном.

Против безусловности науки можно ожидать весьма распространенного возражения, которому мы придадим более высокую форму, чем обычно, а именно что само знание представляет лишь часть представления Абсолютного, проектируемого в бесконечность, в котором оно [это знание] понимаемо как средство, к которому действие относится как цель.

«Действие, действие!» — вот клич, звучащий со всех сторон, и громче всего — со стороны тех, у кого знание противится движению вперед.

Весьма похвально призывать к действию. Действовать, как полагают, может каждый, ибо это зависит от свободной воли. Знать же, особенно в философском смысле, доступно не всякому, и здесь, помимо прочих условий, ничего не добьешься с помощью и самой лучшей воли.

Поставим вопрос о выдвигаемом возражении непосредственно так: что это за действие, к которому знание относится как средство, и что это за знание, которое относится к действию как к цели? Где вообще находится основание самой возможности такого противопоставления?

Если положения, которые я должен здесь затронуть, получают свое действительно всестороннее освещение лишь в философии, это не мешает тому, чтобы они были понятны по меньшей мере для настоящего рассмотрения. Кто только вообще понял идею Абсолютного, тот также видит, что в нем можно мыслить лишь Одно (Единое) Основание возможного противопоставления и что, следовательно, если вообще из него можно понять противоположности, то они должны вытекать из этого Единого. Природа Абсолюта такова: в качестве абсолютного быть и Идеальным, и Реальным. В этом определении имеются две возможности: что Абсолют как Идеальное образует свою сущность в форме как Реальное и что он, поскольку эта его форма может быть только абсолютной, тем же способом навечно разрешает и форму в сущность, так что он есть сущность и форма в более совершенном проникновении. В этих двух возможностях и состоит единое действие первоначального знания; но так как оно абсолютно неделимо и, следовательно, есть сплошь реальность

и идеальность, из этой неделимой дуплицитности и в каждом акте абсолютного знания также должно быть образовано выражение обоих в Едином: и в том, что в Целом является Реальным, и в том, что является в нем Идеальным. Таким образом, подобно тому, как в природе, когда образ божественного превращения (*Verwandlung*) идеальности в реальность и также преобразования (*Umwandlung*) последней в первую являет себя благодаря свету (и в конечном итоге благодаря разуму), так, с другой стороны, в том, что в Целом понимается как Идеальное, должны точно так же снова встретиться реальная и идеальная стороны; первую сторону этого Целого можно признать идеальностью в реальности, однако как идеальную, вторую — противоположным видом Единства. Первый род явления есть знание, поскольку в нем субъективность являет себя в объективности, второй род есть действие, поскольку в нем мыслится скорее прием особенности во Всеобщность³.

Достаточно только понять эти отношения в высшей абстракции, чтобы также увидеть, что противоположность, в которой выступают оба единства внутри того же самого тождества Празнания, — знание и действие, имеет место только для одного лишь конечного постижения, ибо ясно само по себе, что если в знании Бесконечное представляется Конечному идеальным родом, а в действии конечность таким же способом представляется Бесконечному, то каждая из обеих противоположностей в Идее или В-себе (*An-sich*) выражает одно и то же абсолютное единство первоначального знания.

Временное знание, точно так же, как и временное действие, полагает лишь обусловленно и сукцессивно (во временной последовательности) то, что в Идее присутствует безусловно и сразу. Поэтому во временном отношении знание и действие выступают необходимо раздельно, как в Идее благодаря присущей ей самой абсолютности они представляют собой Единое. Подобно тому как в Боге абсолютная Мудрость в качестве Идеи всех идей в силу своей абсолютности есть также безусловная Мощь, заключающая в себе совпадение Идеи и Действия (т. е. без предшествования «идеи» в качестве *намерения*, определяющего «последующее действие»), и есть, следовательно, вместе с тем абсолютная Необходимость.

Это относится как к этой, так и ко всем другим противоположностям — они являются таковыми лишь до тех пор, пока каждая из них не понимается как абсолютная для себя, стало быть, понимается лишь конечным рассудком. Основание противопоставления находится, согласно этому, лишь в равно несовершенном понятии о знании и о действии, которое благодаря этому должно быть возвышено до того, чтобы знание понимали как средство для действия. Для подлинно абсолютного действия знание не может выступать в таком отношении, ибо данное действие — именно потому, что оно абсолютно, — не может быть определено посредством знания. То самое единство, которое присутствует в знании, образуется также и в действии — в абсолютный, в себе обоснованный мир. Здесь не идет речь о являющемся действии, точно так же, как и о являющемся знании: и то и другое выступает и падает одновременно друг с другом, ибо каждое из них имеет реальность, конечно, лишь в противоположность к другому.

Те, кто делает знание средством, а действие целью, на самом деле не имеют о *Действии* никакого понятия, довольствуясь лишь ходячим представлением о ежедневной

³ Ср. с исследованием Шеллинга «Über das Verhältnis der Naturphilosophie zur Philosophie überhaupt» («Об отношении натурфилософии к философии вообще») // Schelling F. W. J. *Sämtliche Werke*. I. Abth. 5. Bd. A. 122. — *Примеч. издания 1859 г.*

деятельности, взятым из обыденной жизни. И точно так же под *Знанием* они представляют «знание» об этой пошлой обыденности, каковое должно стать для нее средством. Философия должна научить их исполнять свои жизненные обязанности; для этого, стало быть, им и нужна философия: они занимаются ею не из свободной необходимости, но как служители понятия, которое дает им в руки наука. Вообще наука, по их мнению, нужна для того, чтобы воздвигать им поля, совершенствовать ремесла и питать их истощенные силы. Геометрию, например, они считают прекрасной наукой не потому, что она являет чистую очевидность, будучи объективнейшим выражением самого разума, но потому, что она учит, *как мерить поля и строить дома!* Или потому еще, что делает возможным движение по морям и океанам торговых судов! То же, что она служит также и для ведения войны, умаляет ее ценность — ведь война совершенно противна всеобщей человеческой любви! Философия, в свою очередь, никак не годится для первых целей и в лучшем случае лишь для последней, а именно чтобы вести войну против поверхностных умов и апостолов полезности в науке. Поэтому она в своей основе также оказывается в высшей степени никкуда не годной.

Те, кто не понимает смысл абсолютного единства знания и действия, приводят, с другой стороны, такие общедоступные примеры (*Popularitäten*): «Если бы знание было едино с действием, тогда одно всегда следовало бы из другого», «Можно очень хорошо знать, в чем состоит справедливость, вовсе не поступая благодаря этому знанию справедливо» и т. д. При этом они совершенно правы в том, что действие не следует из знания, и высказывают в этой рефлексии как раз то, что знание не представляет собой *средство* действия. Они не правы лишь в том, что ожидают такого следствия. Они не понимают отношения между знанием и действием в самом Абсолютном. Им также недоступно и то, что всякое особенное может быть безусловным *для себя*, и делают одно зависимым в отношении цели, точно так же, как другое — в отношении средства.

Знание и действие никогда не будут находиться в истинной гармонии иначе, чем посредством одной и той же абсолютности. Как не бывает истинного знания, которое непосредственно или посредственно не является выражением Празнания, так не бывает и истинного действия, которое не выражает, пусть даже посредством еще большего количества средних членов, первоначальное действие и в нем Божественную Сущность. Та свобода, которую ищут в эмпирическом действии или которую полагают в нем увидеть, столь же мало есть истинная свобода и столь же есть заблуждение, как и истина эмпирического знания. Не бывает истинной свободы иначе, как посредством абсолютной необходимости**, и между первой и второй то же самое отношение, что и между абсолютным знанием и абсолютным действием***.

* У каждого человека есть внутренний друг, чьи внушения чище всего в юности; только легкомыслие отгоняет его, а склонность к обыденным интересам заставляет его в конце концов совершенно умолкнуть. (*Здесь и далее под звездочкой даны примечания Шеллинга. — Ред.*)

** Она должна *интегрироваться* с необходимостью.

*** Поэтому в свободе, т. е. в самом действии, *восстанавливается* необходимость, как и, наоборот, только истинно абсолютное знание является одновременно абсолютно необходимым и абсолютно свободным знанием.